

Владимир Босин

ДВА ЛИКА
ГРАФА
БЕЛЬКУРОВА

Владимир Босин

Два лика графа Белькурова 2

«Автор»

2026

Босин В. Г.

Два лика графа Белькурова 2 / В. Г. Босин — «Автор», 2026

Получив второй шанс на жизнь, человек из XXI века сумел выжить в теле молодого русского аристократа. Но самое трудное впереди. Исправить прошлое невозможно. Нельзя вернуть погибших. Нельзя заставить забыть старые обиды. Но можно попытаться стать человеком, которым не стыдно быть. Шаг за шагом Белькуров распутывает клубок старых конфликтов, мирит семьи, помогает тем, кого общество предпочитает не замечать. И создаёт дело, способное изменить жизни сотен людей. Но именно тогда, когда он перестаёт искать любви, судьба сталкивает его с женщиной, которая имеет все причины его ненавидеть. История о чести и раскаянии, о втором шансе и цене ошибки. О том, что иногда самым трудным подвигом оказывается не победа над самим собой.

© Босин В. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Босин

Два лика графа Белькурова 2

Глава 1

Я резко пришёл в себя. Вот только что стоял на заснеженной дорожке и вдруг оказался в комнате. И главное — я снова чувствую. Не важно, что трещит голова. Зато я слышу и вижу по-прежнему. Я чувствую спёртый воздух и как чья-то рука осторожно потирает мне лицо и грудь.

Ба, знакомые всё люди. Прямо дежавю какое-то. Опять драгоценный Луи Карлович Дюваль со своим чемоданчиком. Рядом с ним незнакомый мужчина, похоже что тоже врач. А чуть дальше моя экономка Дарья и Митька.

Как же я рад их всех видеть. Но пока они не заметили моего пробуждения, просто прикинулся спящим.

— Пуля, по милости Божией, не вошла в череп, но удар был такой страшный. Теперь всё в руках господ.

Французу ответил его коллега и она начали умничать на пару по поводу моих шансов. Большой скорее жив, или же скорее мёртв.

А вот когда все вышли и остался только мой камердинер, я и решил ожить.

— Митька, — прохрипел я, — воды принеси. И чего это у меня так башка трещит. Перебрал что ли?

После длительной паузы Митрий чуть не кинулся обниматься.

— Барин, счастье то какое. Пришли в себя? Так я доктора позову.

— Стой, дурья твоя башка. Не надо никого звать. Лучше скажи, что со мной. И почему я в постели.

— Дык ясно почему. Ранили Вас, Александр Викторович, как есть ранили, на дуэли. Стрелялись Вы с молодым барчуком Хлудовым. Да пуля-дура Вас нашла. Принесли Ваше сиятельство в ужасном состоянии. Вся голова и грудь кровью залиты. Думали всё. А потом доктор приехал, перевязал Вас и сказал, что пуля краешком голову-то зацепила. Сорвала клочок волос и приличный кусок кожи. Отсюда и кровь. Пришлось зашивать. А ещё сказал, что удар был сильный и остаётся надеется только на господ бога.

Ну хоть какая-то ясность, — и давно я в постели валяюсь?

— Так третьи сутки пошли.

Да, серьёзно меня долбануло, опять сотряс нехилый получил судя по тошноте и головокружению.

Вскоре набегал народ, но француз молодец. Решительно выгнал всех, невзирая на звания и должности.

Две недели пришлось мне проваляться в кровати. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать всё произошедшее. Это после того, как я узнал, что из моей жизни исчез солидный кусок в пять с половиной месяцев.

Да-да, от дома Мари я выходил десятого апреля, а сейчас сентябрь на исходе. И я неведомым образом перелетел из Москвы в свое имение в Дубровицах.

Пока я не знаю точно, что происходило в тот промежуток времени. Но могу сделать пару предположений.

Итак, я год назад оказался в чужом теле после того, как предположительно умер в своём мире. И занял тело некоего графа Белькурова. Причём тот не умер, а банально отключился, получив травму во время охоты. И в этот момент его заменил я. И прожил себе безбедно почти восемь месяцев. Даже вжился в чужую историю. И начал получать от новой жизни немалое

удовольствие. Затем Москва и внезапное нападение, в результате которого меня предположительно опять вырубил. Тело вернулось прежнему хозяину и он пять месяцев властвовал в нём. И снова несчастный случай на дуэли, мы опять меняемся местами. Напрашивается вывод — что существует некий триггер. При выполнении одного условия мы меняемся местами. Какого? Да потеря сознания, какой же ещё.

Каждый раз, когда графа основательно вырубало так, что душа воспаряла полетать, происходила смена владельца. Причём граф, очнувшись в Москве понял, что он тут не один проживает в уютных апартаментах. Рядом были слуги и свидетели, и тот быстро разобрался в ситуации. Он же ясно мне об этом сказал, что искал встречи с вором.

До этого момента всё вроде логично. Видимо, тот вернулся на лето в имение и уже здесь опять стрелялся. Получив пулю в лоб потерял сознание. Но, возможно, здесь произошёл сбой. Говорят, что граф несколько раз приходил в себя и опять отрубался. И возможно это нарушило некий алгоритм и мы встретились воочию. И так уж получилось — я остался, а он ушёл. Не уверен, что навсегда. Но, в любом случае впредь мне лучше не терять сознание.

Я начал вставать и спускаться в столовую. Пока что чувствую себя ужасно слабым. На сей раз меня здорово тряхануло. На голове шрам, но отрастёт волос и его не видно будет. А пока я пытаюсь понять, изменилось что-то вокруг меня или нет. Вроде слуги держатся также, но они и раньше меня побаивались. А вот Дарья какая-то отстранённая.

Что показательно, исчез Волков. А ведь я очень рассчитывал на его помощь. Он лучше любого другого мог помочь мне вспомнить. Освежить память, так сказать.

Оставалось мучать Митьку:

— Да не ведаю я барин, куда Ваш товарищ пропал. Он ещё в Ярославле съехал с Вашего дома. Просто оседлал лошадь и больше его не видали.

— Хорошо, ты что помнишь о тех событиях в Москве?

— Так что и все.

— Не умничай, сейчас в морду дам, — включил я барское очарование.

— Так меня тогда не было с вами, барин. Григорий Ваш тоже отпросился, с Вами поехал Тимофей. А когда Вы, стало быть, вышли от любовницы, эти ироды и напали.

— Дальше что?

— А что дальше, вдарили дубиной и из вас дух вон. Так бы и забили насмерть. Спасибо Тимоха вмешался, одного застрелил, другого саблей зарезал, а третьего связал. Так и привёз Вас домой.

Интересно, значит это не была случайность. Меня ждали. Вряд ли они напали на первого встречного. Я хорошо помню, что те таились в темноте, дожидаясь жертву. А Тимоха молодец, спас хозяина.

— Может чайку организовать, а?

— Можно, но прежде ответь — Тимофей тоже исчез?

— Тимоха? Не. Туточки.

— Позови его.

— Так он в Соловках, у любушки своей.

Соловки — это небольшая деревушка в десяти верстах на север.

— Пошли за ним, срочно. Пусть завтра явится после завтрака.

Тимофей явился как было приказано. Поклонился, но в глаза не смотрит. Значит есть причина.

— Ну, друже, как жизнь? Как любушка? Жениться не собрался?

Мужчина одет опрятно и небедно- видно, что денежка в кармане имеется. Ему около сорока. Возраст таков, когда сила ещё есть, а горячность сменяется спокойной уверенностью.

Среднего роста, широк в плечах, крепок — будто сбит и дубовых брусьев. Руки тяжёлые и загрубевшие работы.

Лицо широкое, обветренное с потемневшей от ветра кожей. Сразу становится понятно, что этот человек половину жизни провёл в седле и под открытым небом. Борода коротко пострижена. Не мужицкая лопата, а ухоженная как у человека, привыкшего быть при господине.

Глаза серые с внимательным выражением старого служака, который всё замечает. Сколько его знаю, слова зря не вымолвит, этакий молчун. Одевается в полувоенном стиле. На льняную рубашку с тёмным жилетом наброшен кафтан венгерского покроя и штаны, по крою похожие на кавалерийские чикчиры. Сапоги мягкой кожи и длинный нож в ножнах на широком поясе.

— Ну, Тимофей. Хочу услышать от тебя про тот случай в Москве. Когда ты меня спас.

Не знаю, чего он точно опасается, но мой вопрос позволил ему расслабиться.

— Так, а что там говорить? Услышал шум, смотрю — трое Вас окружили значится и дубиной охаживают. Ну я и за пистолет. Одного сразу там же положил, сдругим пришлось повозиться. Опытный гад оказался. Ну и ещё одного сдали городничему. Но сперва поспрошали малёхо.

— И что удалось узнать?

— Так засада на Ваше сиятельство была. Нанятые они, сказали потом, что лихие люди подвизались. А я скажу так. По повадками — солдатики это были и к оружие привыкшие.

— Удалось узнать кто нанял?

— А это я не знаю. Мне не говорили.

— Ясно, а куда Волков делся? — вот тут старый служака заволновался, опять глазки отвёл.

— Не ведаю, Ваше сиятельство. Вроде отставку взял и к родне уехал.

— Так у него же нет родни.

— Не знаю, так говорили.

А ведь он врёт. Или недоговаривает. Насколько я знаю — с Григорием они неплохо общались. Но не пороть же Тимофея, пытая на этот счёт.

— Я вот Тимофей поблагодарить тебя хотел. Что не сплеховал и спас меня от недругов.

Мужчина заулыбался, — так наградили же тогда, Ваше сиятельство. Сто рублей серебром дали. Я же на эти деньги домик себе присмотрел. Тут, недалеко.

Да я уже понял, это рядом со своей женщиной.

— Ну, тогда проси сам чего хочешь. Для спасителя ничего не жалко.

Мне кажется, что он мнётся. Но молчит. А ведь мне Гришка позарез нужен. Во как.

Ага, что-то всё-таки есть. Сейчас родит, — Тут такое дело, Ваше сиятельство. Надумал я жениться. На Алевтине, очень нравится мне эта баба. Да вот только она крепостная девка у Хлудовых. А ихний барин, Иван Алексеевич, ни в какую не разрешает нам жениться. Ругается на Вас и все.

— Ругается? С чего вдруг?

— Ну как же, запомняли Вы. Стрелялись ведь с его сыночком, с Павлом Ивановичем.

— Да-да-да, вроде вспоминаю. А из-за чего?

— Из-за дамы, разумеется.

— Ясно, — что за хрень. Куда не ткнёшь, везде затык. Всё завязалось в тугой узел и рубануть от души тут не получится. Надо распутывать по кусочку, по ниточке.

Я понятия не имею, чего граф не поделил с сыночком соседа по имению. Сам Хлудов, насколько я помню, человек мирный и спокойный. Сына его видел пару раз, правда мельком. Прыщавый юнец, далёкий от военной службы. Как он смог меня одолеть?

— Ладно Тимофей. Я тебя понял. Попытаюсь тебе помочь. Но смотри, от тебя мне тоже помощь понадобится.

Понял, хитропопый служака. Смекнул к чему я клоню. Но радует, что опять не стал петь про плохую память и абсолютную нелюбознательность. Ну не верю я, что он не знает, где его дружок Волков.

Но прежде мне надо прийти в себя. Пока что я качаюсь от лёгкого ветерка, гуляя по коридорам своего дома.

Зато я вновь подружился со Звёздочкой. Совсем как в прошлый раз навещал её каждый божий день и приносил лакомства. Про Султана тоже не забывал. А когда наступил момент, что я смог сесть в седло -то я сразу направился с визитом.

Наш путь лежит в имение Павла Андреевича Черкасского. Именно он был моим секундантом на той дуэли. И это не удивительно, учитывая, что мы приятельствовали и пересекались по службе. Черкасский ушёл в отставку в чине ротмистра.

До его имения двенадцать вёрст и мы проделали их быстро, меня кроме Тимофея сопровождал ещё один слуга. Ехали неторопливо, я побаивался тупо свалиться под копыта лошади. Всё-таки пока рановато мне давать телу физическую нагрузку.

Отслужив пятнадцать лет, Черкасский ушёл в отставку после ранения колена и сейчас хозяйничает тут в родовом имении. Мужчине 43 года, обладает спокойным и немного ироничным характером. Мы любили с ним пострелять уток и перекинуться на досуге в картишки.

При виде меня мужчина искренне обрадовался и зазвал отобедать. А там насел на крепкую настойку и изрядно опьянел. Я же отговорился недавним ранением.

— Причина дуэли? Так ей имя Варенька Синицына. Премилое создание, но уж больно ветреное. Сначала дала надежду этому дурачку отпрыску Хлудова, а потом не устояла перед Вашим гусарским обаянием. Однако, Александр Викторович, зря Вы так. Всё-равно ведь не женитесь, так зачем дразнили зря этого недотёпу.

— Недотёпу? А как он ухитрился в меня попасть?

— Ха, а уж это можно только чудом назвать. Стрелять то он не умеет вовсе, в стену не попадёт и с пяти шагов. А тут с испугу взял и пальнул с двадцати шагов. И ведь попал. Правда сам в обморок от вида крови упал. Но ведь практически жизнь себе спас. Повезло, Вы бы его не пожалели. Как вернулись из города, так всё ссоры искали.

Назад я ехал медленно, давая Звёздочке самой выбирать темп. Мне нужно всё обдумать. Здесь наскоком не получится, тут придётся распутывать запутанный клубок по миллиметру.

Варю Синицыну я смог встретить у наших общих соседей Никитских. Не составило труда напроситься к ним в то время, когда там гостила эта дурочка.

Нет, в самом деле. Мало того, что она в свои семнадцать лет уже выглядела этаккой перерезлой краснощёкой пышкой. Так с нею и поговорить даже не о чем. Только о видах на урожай и как она с сёстрами помогала мамёнке варить смородиновое варенье. Вот тема для молодых людей. Ну и я лишь капельку её направил в правильное русло и она даже загорелась снова обнадёжить молодого Хлудова. Такого перспективного и душевного молодого человека упустить никак невозможно.

Последнего я выловил на сельской дороге, когда тот возвращался из города. Прыщавый молодой человек так перепугался моей особы, что начал заикаться и чуть не потерял своё пенсне. Думал я его убивать приехал. А уже через полчаса, после того как мы прогулялись вдоль поля, я сумел убедить парня, что очень его уважаю и страшно влюблён в милую Вареньку. Но та мне отказала в категоричной форме, по причине огромной любви к самому Павлу. Ну и мы чуть ли не в обнимку вернулись к коляске молодого Хлудова, что вызвало настоящий шок у его кучера. Так вместе и явились в отчий дом. Сам хозяин, Иван Алексеевич поначалу пытался быть холодным со мной. Но когда сын чуть не стал от свалившегося счастья плакаться папе в жилетку, тот смягчился и даже ухитрился по-быстрому наклюкаться за чашкой чая. К концу

вечера мы уже обнимались как закадычные товарищи и распрощались лучшими друзьями. И как он мог отказать мне в такой мелочи — как продажа мне одной крепостной девки.

А через день уже сам ко мне подошёл Тимофей. Рожа аж светится:

— Ну, доволен? Сегодня же дам ей вольную и играйте свадьбу. Плодитесь, как говориться, и размножайтесь.

А через два дня мы вдвоём въезжали в небольшой уездный городок Калязин, что лежит в 120 верстах от нас. Это полный день езды верхом, если поспешать. Мы только остановились в полдень дать роздых лошадям и перекусить. А заодно я предпринял последнюю попытку раскрутить казака на откровенность.

— Так что там произошло в Ярославле? Меня пулей долбануло и многое не могу вспомнить.

— Барин, спросите лучше самого Григория. Не хочу я влазить между вами. Разругались вы крепко, он собрался и в ночь уехал.

Маленький волжский городок, вдоль неровных улиц тянутся невысокие купеческие домишки. У лавки лениво переговариваются извозчики и из-за церковного забора видна серая гладь реки.

Тётку Григория, к которой он перебрался, зовут Анна Матвеевна Жилина. Вдова коллежского регистратора, женщина лет шестидесяти. Сухонькая с тёмным платком на голове. Супруг давно оставил бранный мир, детей супруги не сподобились сделать. Вот она и коротает время одна в своём деревянном доме. Дом хоть и старенький, но ещё крепкий. Нижний этаж старушка сдаёт приезжим. Мелким чиновникам и купцам. А сама проживает наверху в трёх комнатах. Небогато, но опрятно. Герань на окнах и старая мебель красного дерева, оставшаяся от лучших времён.

— А это комната Гришеньки. Но его нет дома, — выяснилось, что Григорий иногда давал уроки верховой езды сыну местного помещика и выезжал за город. Старушка как смогла, объяснила нам, где того найти.

Боже, как раскалывается голова. После сотрясения мозга пить решительно противопоказано. Но вчера я наклюкался как свинья. Григорий сам попался нам навстречу. Поначалу воротил нос с холодным видом. А потом Тимоха нас помирил и мы напились вдрызг.

А когда головная боль чуть отпустила, я вспомнил вчерашний разговор и так захотелось встать и с разбегу впечататься башкой в стену. Так чтобы вдребезги. Это невозможно переварить. Как этот образованный дворянин с высокоморальным понятием чести, въевшуюся в подкорку мозга — смог пойти на такое. У меня в голове не укладывается. Я понимаю, что не имею к этим мерзким поступкам отношения. Но почему-то на душе препогано.

В Москве граф покуражился и тоже наделал делов. Разругался не только со своим управляющим, грозился даже его выгнать. Но в оконцовке не решился. Устроил некое подобие дуэли, там своя длинная история. И мне её ещё нужно осмыслить.

Но, видать его дико раздражало то, что я успел везде оставить свои следы. И он принялся уничтожать всё, к чему я прикасался. Запретил Завадскому действовать от своего имени при покупке зерна. Но это мелочи. А вот в Ярославле граф развернулся по-полной. Ему сразу на глаза попалась Василиса. Бедняжка так обрадовалась увидев его. А тот, узнав подоплёку превращения крепостной женщины в барышню, приказал содрать с бедняжки одежду и голышом отправил в людскую. А когда её супруг попытался защитить жену — совсем вышел из себя. Итог печален. Калеку заporоли плетью. Он и так был слабого здоровья, а тут после порки занемог и через два дня испустил дух. Женщина не смогла выдержать таких перемен и бросилась в реку. Барской прихотью она получила возможность стать кем-то более возвышенной и такое внезапное падение в ад. И всё, нет больше дружной семьи, где царила любовь. Обоих вне-

запно осиротевших девочек отправили в деревню к дальней родственнице. Вот тогда Григорий впервые сорвался и наговорил графу всякого. До дуэли дело не дошло, он просто сорвался в ночь и пропал. Даже не получив положенного жалования.

Глава 2

Днём с больной головой я вновь встретил своего товарища. Но пить больше не стал, хватит. Видать Григорий что-то для себя понял вчера. По-крайней мере, когда я попросил вернуться, тот молча ушёл собирать вещи. Вот такие пирожки с котятами. Даже не знаю, как возвращаться в город и смотреть людям в глаза.

Нет, всё понятно. Это мой дом и зависимые от меня люди. Только мне придётся как-то исправлять всё сделанное другим человеком.

Знаете, в детстве я читал одну забавную книжку Роберта Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Так там у лондонского врача, очень положительного и уважаемого человека с безупречной репутацией было раздвоение личности. Мистер Хайд — жестокий и аморальный тип, склонный к импульсивности и насилию. И в конце книги Джекил пришёл к мысли, что они оба являются светлой и тёмной сторонами одной личности. И он решил разъединить добро и зло. Но не успел, личность мистера Хайда победила. Зло оказалось зубастее. В результате произошло убийство и окончательное падение человека. То есть эта книга о двойственности человеческой природы. Но порой можно побороться за выживание. Я, возможно, смог победить в себе зло. Но теперь мне предстоит ужасно сложная вещь. Каким-то образом заглазить вину. Только — вот такая хрень. Милую очаровательную и непосредственную Ваську уже не вернуть. Как и её мужа. А вот помочь детям — я очень постараюсь.

Ярославль встретил нас осенним дождиком. Улицы умыло дождиком и мы старались не изгазаться в грязи. Повозка с вещами и парой слуг будет долго тащиться по размокшей грунтовке, но сейчас меня интересуют проблемы иного рода.

Меня не было тут пять месяцев, а вот граф уехал отсюда совсем недавно. Месяца полтора как. И я чувствую себя как на минном поле. Не знаю, откуда ещё ожидать проблемы.

Но нет, слуги по-прежнему вежливы и исполнительны. Зоя Тихоновна предупредительна, но упорно не хочет встречаться со мною глазами. А мне нужно выпытать у неё, куда отправили детей Василисы. Но чувствую, что сейчас лучше не подымать эту тему.

Утренняя тренировка с Григорием показала мои значительно ухудшившиеся физические кондиции. Я еле успеваю отмахиваться от его сабли. А он будто специальной старался досадить мне, попав побольнее.

Учебный бой мог вестись и боевым оружием, но при этом всё делали в полсилы, чтобы не довести до серьёзного ранения. Или же использовали учебные деревянные сабли, но это не для гусар. Мы пользовались тупём (затупленное оружие). Из защиты — лишь плотный жилет, защищающий корпус и краги (толстые перчатки). Поэтому при желании наставить сытных синяков можно легко. Так что практически основательно избитый я поплёлся умываться. Но если честно, боль помогла мне прийти в себя.

Я раскис, Волков решился мне поверить после того, как я чуть не заплакал, узнав о судьбе бедняжки Василисы. Видимо моё лицо было очень красноречиво. Именно этот мой шок дал ему понять, что я раскаиваюсь. И к тому же я согласился с его предположением, что был в помутнении рассудка после московского нападения. А что мне ещё оставалось? Рассказать всё как есть? Про хорошего графа и про плохого? Пусть уж будет такая версия. И ведь Волков явно имел беседу с моей экономкой. Потому что та неожиданно сама подошла ко мне и обняла, замерев так на несколько секунд. Только гладила меня по голове, благо я сидел на стуле и ей не пришлось вставать на цыпочки. И было в этом что-то материнское. Произошло это после того, как я вернулся из церкви. У меня был серьёзный разговор с благочинным.

Мне было дико узнать, что Ваську похоронили как собаку на пустыре:

— Грех это тяжкий, наложить на себя руки. Таких мы не хороним на церковном кладбище и не отпеваем.

Вот попик упёртый, пришлось включить дополнительные резервы:

— Батюшка, да с чего Вы взяли, что она утопилась. Я знаю её и её богобоязненное семейство. На реке ежегодно тонут десятки, если не сотни людей. Что же всех тогда подозревать в богопротивных деяниях? А моя девка в горячке была, не ведала, что творила. Да и доктор может подтвердить.

И тут же сменил тон, — святой отец, я смотрю у вас над трапезной крыша совсем прохудилась.

Попик развернулся и закивал головой, — да, совсем плохо стало с пожертвованиями.

— Вот я и говорю, давно хотел выделить средства на ремонт крыши. Давеча даже с вашим архимандритом говорили на этот счёт.

В итоге поп деньги взял и пообещал перезахоронить с подобающим отпеванием. Правда похоронят не в центре, а у оградки. Уезжал я в подавленном настроении. Приехал домой и без сил опустился на стул в кабинете. Тут то меня и настигла пожилая женщина.

И ведь мне стало легче, я сам обнял её худенькое тело и так мы и застыли.

В середине октября выпал первый снег и мы с Волковым вернулись после загородной прогулки на лошадях. Промёрзли и я позвал Григория согреться.

Накрыли в кабинете, по знаку Зои Тихоновны служанки быстро принесли всё нужное. Кроме можжевельной водки поставили графины с ромом, а также пунш и подогретое вино.

Лично я махнул рюмахи водки и потянулся за солёным огурчиком. Невольно вспомнил Варю. Как же я мог забыть про неё? Она тоже любила соленья.

Подъехав к знакомому дому, я помедлил выходить наружу. Даже отсюда видно, что он изменился. Некогда пустующее здание теперь полно жизнью. В окнах появились светлые занавески, на площадке под надзором молодой воспитательницы играют несколько девочек лет десяти. Из открытого окна слышны звуки клавикорда.

Нам открыла суховатая дама лет пятидесяти. Стало быть это та классная дама, про которую говорила Варя. Она быстро окинула нас взглядом, оценила небедный вид и стоящую карету с дворянским гербом. И присела в неглубокий книксен.

— Добрый день. А я, собственно, к Варваре Алексеевне.

— Проходите пожалуйста, я сообщу о Вас.

Подымаясь по лестнице, я столкнулся со спускающимся вниз молодым парнем. А это, получается, учитель французского и танцев.

— Ты? — не такого приёма я ожидал. Варя приняла меня в маленьком кабинете. Видимо я нарушил её планы. На столике стояли две чашки, кофейник и вазочка с печеньем. Наверняка я помешал ей общаться с этим её помощником.

Тон самый пренебрежительный, так говорят с кем-то, кто вызывает раздражение.

— Да. Извини, что помешал, — и я кивнул в сторону остывавшего напитка.

— У нас перерыв в занятиях, — она не даже не пытается оправдаться, просто констатирует факт.

— Как ты милая? Как твой пансионат? — зря, а попытался перейти на более интимный тон. В ответ получил настоящую отповедь обиженной и оскорблённой женщины. А госпожа Троекурова умеет ужалить побольнее, надо отдать ей должное.

Если вкратце, граф вернувшись в Ярославль и не догадываясь, что возобновил отношения с нею. Та узнала об этом случайно от подруги. Ну и прислала записку, потом другую. Ни ответа, ни привета. И тут они чисто случайно встречаются у общих знакомых. Могу представить, как раздражённый Белькуров разговаривал с той, кто ассоциировался в его возбуждённом воображении с вором. Видимо очень грубо.

В итоге Варвара Алексеевна окончательно порвала с графом и даже ухитрилась принять предложение руки и сердца от юного Лёшеньки Розанова. Это тот вьюнош, которого я повстречал на лестнице. Она теперь обручена. Во как. Так мне и надо.

Но я на Варю совсем не обижен. Нет, я обожал наши совместные вечера и её шикарное тело. Но будущего с нею не видел. А с этим мальчиком она, вполне вероятно, создаст семью, детишек нарожают. Благо есть свой угол и средство заработка.

Интересно, где ещё не успел напаскудеть мой злой гений? Я из дома уже боюсь выходить, чтобы не нарваться на очередного обиженного им. Поэтому и дал указание собираться в Москву.

Если я думал, что дальше падать некуда, — то сильно ошибался. Эту историю я кушал медленно и с расстановкой. Просто она многоходовая и там немало действующих лиц. Тянется она из столицы и началась около двух лет назад.

Мы едем с Григорием в карете, Митрий создал нам условия для комфортной поездки, а сам перебрался в возок со слугами. Я же периодически прикладываюсь к бокалу с ромом и протягиваю озябшие пальцы к тлеющим уголькам походной печки. То, что рассказывает Гриша просто не укладывается у меня в голове. Оказывается, я совершенно не знал своего предшественника. Он мог быть учтивым и благородным. Мог совершить благой поступок. А мог и пойти на подлость, если считал себя оскорблённым. И теперь мне нужно всё осознать и понять, что делать с этой проблемой. А имя ей -Екатерина Андреевна Ратманова. Маркиза, между прочим. То есть дочь князя Андрея Максимовича Ратманова, заслуженного генерала, которого предыдущий император лично наградил княжеским званием. Я его по идее должен знать, но пока-что эти имена мне ничего не говорят.

Когда Григорий описал эту даму, я вспомнил тот случай на Тверском бульваре. И ту девушку, которую тогда сильно испугал. С большой долей вероятности эти и была она. По крайней мере тогда всё сходится.

Но с чего бы начать? Наверное, с предисловия.

Маркиза Ратманова не происходила из старинного княжеского рода. Её батюшка заслужил этот титул кровью и потом на полях сражений, бескорыстно служа империи. Он происходил из небольшого провинциального рода, где все мужчины посвящали себя военной службе. Не знаю уж, что он такого ценного совершил, что император так высоко его наградил. Но остаётся фактом то, что род Ратмановых в столице считают провинциальными выскочками. Показательно, что это не помешало генералу закрепиться в Москве и вырастить двоих детей. Сына и дочь. На Николае Андреевиче природа решила отдохнуть. Слабый и безвольный, он окончил учебное заведение при архиве Коллегии иностранных дел и некоторое время служил чиновником при Московском опекунском совете. Тихая кабинетная работа с бумагами и счетами. Минимум стресса и ответственности.

Другое дело княжеская дочь. Она росла своенравной и являлась любимицей отца. Если бы он мог её сделать наследницей рода, то обязательно сделал был. Девочка выросла в красивую и образованную даму. Но отец забыл привить ей покорность судьбе. Когда той стукнуло семнадцать лет, папенька принялся устраивать судьбу дочери. Но она отвергала всех претендентов на её руку. Я так и не понял, был ли граф Белькуров в их числе. Тут сказалось вольное воспитание в духе французский традиций.

Григорий знал многое из походов патрона, но не мог знать некие интимные вещи и подробности. Вышло так, что Белькуров влюбился в эту девушку, видимо она и в самом деле была хороша, и даже начал переговоры с её отцом касательно сватовства. Но на одном из званных приёмов та неожиданно в очень резкой форме высказал бравому отставному штабс-ротмистру пожелание не мозолить ей понапрасну глаза. Она никогда не выйдет за него замуж. И этому были свидетели.

Григорий не знает по понятным причинам всех деталей. Но после этого Белькуров затаил злобу и выждав время, уехал из столицы. Но вот Григорию с Тимохой он поручил сделать одно небольшое, но плохо пахнущее дело.

Те наняли парочку лихих людишек и маркизу подловили вечером вместе со служанкой в тихом переулке. Они, пользуясь физической слабостью женщин, опозорили молодую девушку. Остригли её роскошные волос так коротко, как стригут блудниц и падших женщин. Именно её волосы Волков и привёз мне тогда в имение. Именно это поручение он выполнил, получив при этом кругленькую сумму серебром.

Это было невероятное унижение для гордой девушки, привыкшей к особому отношению. В обществе пошли слухи о её позорной болезни. Та даже слегла в горячке и долго болела. Кто нанёс ей оскорбление — было понятно, бандиты передали в двух словах смысл послания графа.

Прошёл год или даже больше и вдруг она встречается на одной из московских улиц своего обидчика. С нею случился настоящий шок, проплавав всю ночь девушка решила поделиться проблемой с братом. Отец был уже в преклонном возрасте и сильно болел. Близких друзей горячка не завела, оставалось только обратиться к братцу.

Далее у нас идёт некая смесь из догадок и той информации, которой обладал Волков.

Братец застал вызывать меня на дуэль лично. А вращался он в кругу штатских штафинок, далёких от этого мира чести и дуэлей. Вот он и не нашёл ничего лучшего, как нанять бандитов. В принципе я поступил также с его сестрой. Так что осуждать этого дворянина не берусь.

Вот только видимо он плохо описал возможности того, кого нужно убить или искалечить. В результате два трупа и один разговорчивый товарищ, которого повязал мой Тимофей. Поручение они выполнили лишь частично. Я получил пару сильных ударов, выбивших сознание. Легко ещё отделался — лишь значительными ушибами и обширной гематомой на многострадальной голове. Но уже вечером через пару часов окончательно пришёл в себя и смог подключиться к расследованию. В итоге мы вышли на заказчика.

Тогда граф Белькуров публично обвинил Николая Андреевича Ратманова в столь подлом преступлении и вызвал на дуэль чести. Тот опять струсил и отказался, мотивируя своей непричастностью. Это в то время, как выживший лиходея сладко пел в кабинете у пристава как соловушка, сдав поделщиков и заказчика. Замять в полной мере скандал не удалось. Пошли слухи по салонам, с Ратмановым младшим отказывались здороваться и садиться за один стол. Дальше хуже — говорят, что больной старый генерал страшно ругал сына, опозорившего род и якобы грозился лишить наследства. И вроде брат Екатерины Андреевны в срочном порядке покинул столицу, обосновавшись в своём имении на юге страны.

— Гриша, а ты не мог мне раньше рассказать. Я бы не ехал в Москву, не хватало ещё там опять разгребать эти авгиевы конюшни. Мне было достаточно и Ярославля.

Гриша виновато пожал плечами и откинувшись принялся смотреть в окошко. При этом прихлёбывал подогретое вино со специями, к которому имел особое пристрастие.

Очень неприятный разговор с господином Завадским также окончился в целом благополучно для меня. Я не то чтобы повинился, всё-таки я хозяин и он у меня на службе. Но дал понять, что был неправ. Благо мне удалось найти подходящий тон и немолодой управляющий кивнул, обозначив, что принял объяснения.

Я был совсем недавно здесь весной, а сейчас уже ноябрь. А ведь лично для меня прошло совсем немного времени. Вот я довольный жизнью собираюсь к душе Шелецкой, с ней было увлекательно и нескучно. И вдруг эта неожиданная встреча в тёмном проулке.

Если честно, мне стало легче, когда вскрылись некие тайны моей личности. Нет ничего хуже, чем видеть яркие эмоции на лицах случайных людей и недоумевать, как я мог быть с ними связан. Теперь я постепенно раздавал долги. Это не просто, за это время я свыкся, что являюсь персоной высокого полёта, и пусть и завуалированно, но извиняться перед нижестоящими — надо себя переломить. Я говорю о тех ситуациях, где внутренний голос подсказывал, что я был очень неправ.

Удивил меня Волков. Изначально его роль мне виделась следующим образом — наперсник в щекотливых делах и мой личный охранник, по сути наёмник с сомнительным кодексом

честь. Благодаря дворянскому происхождению он сопровождал меня на светские мероприятия. Но, если тот же Тимоха за хорошие деньги на многое пойдёт. То вот Григорий оказался совестливым. Это показал случай с Василисой. И сейчас наши отношения значительно улучшились, мы сблизились и наедине перешли на «ты». Дружеские пикировки помогали мне пережить серьёзное давление внутреннего «Я». Перестав пожирать самого себя, я решил отпустить ситуацию. Мы вновь вернулись к тренировкам по фехтованию и выездам на природу. Нужно же проветрить застоявшихся Звёздочку и Султана.

Это же касается и светской жизни. К моему удивлению общество встало на мою сторону в конфликте с семейством Ратмановых. Последних светские кумушки и почтенные главы семейств явно недолюбливали, а поступок Николая откровенно презирали. И вообще, прошло время и новые персонажи скандальной хроники заняли умы досужей публики. Слава богу моё имя особо не склоняли.

Я вновь стал бывать на карточных вечерах. Правда знакомые смеются, что я потерял былую притягательность. Раньше на меня делали ставки, карточные битвы сопровождалась скандалами. Некоторые неудачники даже стрелялись, понаделав долгов и спустив за столом всё состояние. То есть — ежели появлялся граф Белькуров, то жди развлечения. Что-то да случится. А сейчас я скучно проигрывают небольшие суммы или ухожу в небольшом плюсе. Для меня же важно подышать этой атмосферой. Дайте время, освоюсь и покажу вам кузькину мать.

А вот балы я произвольно избегаю. Не хочу лишних проблем. Но они меня нашли сами, когда я посетил музыкальный вечер графа Михаила Петровича Апраксина. Богатый вдовец пятидесяти пяти лет, камергер двора, страстный поклонник театрального и оперного искусства держит в доме небольшой театр и оркестр из крепостных музыкантов. Человек весьма влиятельный и в его доме встречаются представители старинных аристократических родов, офицеры, молодые дворяне и даже иностранцы.

Глава 3

Вечер начался в восьмом часу, дом графа Апраксина стоял в одной из лучших частей Москвы – большой, ярко освещённый, с широким подъездом, куда одна за другой подъезжают кареты.

Сдав шубу, я прошёл внутрь, в вестибюле пахнет морозом, свечным воском и дорогими духами. Публика говорит исключительно на французском, из глубины дома доносятся звуки скрипки.

Сначала раут — это формат, при котором гости получают возможность пообщаться. Он обычно предваряет бал или какое-либо мероприятие.

Так что мне только и оставалось, что подходить к группкам гостей, здороваться, замирать рядом с ними, обмениваться незначительными фразами о сегодняшнем замечательном вечере и скользить дальше.

Мужчины в мундирах и фраках, дамы преимущественно в светлых платьях с открытыми плечами в новом «античном» вкусе. Сверху большинство набрасывают тонкие шали. И конечно глаза режет этот блеск орденов и дамских драгоценностей.

Я уже наловчился определять, что от меня нужно дамам. Мамочкам и тётушкам, а также их дочкам я интересен как бывший гусарский офицер, богатый и титулованный дворянин и к тому же неженатый. Мужчины оценивают моё состояние, а оно вполне достойное. А также прикидывают мои возможности как игрока в карты, дуэлянта и возможного кандидата в зятя. Здесь ценится умение фехтовать и стрелять, оценивают искусство верховой езды и вообще умение держаться в обществе. Это своеобразные мужские погремущки, которыми любят побряцать, выпив лишнего.

Театральный зал оказался неожиданно большим. Два яруса лож, обитых бордовым штофом. Полукруг кресел в партере, небольшая сцена с тяжёлым винно-красным занавесом и целый ряд свечей вдоль ramпы. От множества огней воздух кажется чуть золотистым. Над сценой лепнина с театральными масками. По бокам зеркала.

Гости рассаживаются важно и неспешно. Из оркестровой ямы слышатся звуки настраиваемых инструментов.

- Апраксин, старый чёрт. Выписал музыкантов из Италии.

- Нет, это его крепостные. Только учёны у лучших мастеров.

Два моих соседа обмениваются мнениями, ожидая, когда же подымут занавес.

Меня царапнула эта информация. Сразу вспомнилась Василиса, наверное эти тоже мечтают выкупиться из крепости. Также красуются в нарядных фраках перед публикой.

Ну вот, занавес поднялся и на сцену вышел поклонившись небольшой оркестр. Молодые музыканты в чёрных фраках, белых чулках и с серьёзными до нельзя лицами. Увертюра в их исполнении была весьма неплоха. Что-то лёгкое, итальянское. Затем вышла певица в светлом платье. Она исполнила арию о любви и разлуке. Голос удивительно чистый и сильный, и выглядит вполне аристократично. Неужели и эта из крепостных графа Апраксина? Потом последовали театральные сценки, где актёры выполняли миниатюры по два-три человека.

Ну и также планируется вторая часть. После антракта нам предложат некую комедию французского автора.

Здесь нет необходимости ломиться в буфет за освежительными напитками. Вездесущие лакеи настойчиво предлагают всё что нужно. Ну и я взял бокал с прохладным шампанским. Просто чтобы не стоять с пустыми руками. Только я предпочёл пройти к зимнему саду. Кто-то из соседей его хвалил.

- Александр, - откуда-то сбоку на меня налетел восторженный вихрь. Я чуть не облил шампанским и себя и даму.

Боже мой, вот уж кого я не ожидал тут встретить. Анастасия Оболенская, сестрёнка моего друга княжна Оболенская. Я не видел её месяцев десять. Не скажу, что она набрала свои женские кондиции. Такая же щупленькая и воздушная. Но смотреть в её лучистые глаза безусловно приятно.

- Граф, как я рада Вас видеть, - девушка пользуясь нашим близким знакомством буквально вцепилась мне в руку. Будь тут рядом её матушка, уже бы вилась вокруг. Может со стороны наше общение выглядит несколько вызывающе, но мне в самом деле немного одиноко и от компании этой девушки я бы не отказался.

- Настя, Вы тут с братом?

- Нет, я с тётушкой и кузиной. Идёмте к нам, я вас познакомлю.

Это настоящее царство цитрусовых, в больших кадках растут цветы, жасмин, камелии и даже лавр. Есть несколько раскидистых пальм. За стеклом зима, а тут довольно тепло и уютно. Но содержать такую оранжерею очень дорого и доступно лишь состоятельным.

Настя тянет меня к группке женщин. Они сидят на диванчиках. Те кто помоложе стоят и обмахиваются веерами.

- Лиза, тётя, смотрите кого я вам привела, - дамы прекратили оживленно общаться и повернулись ко мне.

Одна из них смотрит на меня немного странно, именно её череда непоследовательных действий невольно привлекла моё внимание. Она вдруг быстро заработала веером, потом попыталась выйти из этого кружка. Но для этого ей необходимо пройти сквозь нас с Настей. В результате та осталась на месте, но повернулась боком, выглядывая нечто на улице сквозь окно оранжереи. Вот только забыла, что у неё в руках то, что сейчас предательски выдаёт - как застывшую пред добычей кошку её нервно бьющийся хвост. Дамский аксессуар золотистого цвета с изображением античных фигур то замирает, то вновь лихорадочно бьётся в её руках. Это стало заметно не только мне, потому что стоящая рядом с этой дамой подружка движением руки прекратила эти лихорадочные движения:

- Граф, рады Вас видеть. Как Вам сегодняшний вечер? Как музыканты? - эта женщина мне немного знакома, видимо тётушка Анастасии. Однако мне хочется рассмотреть другую даму из присутствующих здесь. Её лицо тоже смутно знакомо. Но не пойму где мы пересекались.

А пока я отшучиваюсь, отвечая на провокационные вопросы дам и думаю, как бы полоче свалить. Но Настя вцепилась мне в руку как оголодавший бультерьер и не отпускает.

Вдвойне дурацкая ситуация, мне приходится изображать дамского угодника и пытаться разобраться в щекотливой ситуации. И когда стоящая напротив повернулась ко мне в анфас, у меня забрезжила догадка.

Немного нестандартное лицо, но несомненно интересное. Эта молодая женщина ростом чуть выше среднего. Стройная, но не хрупкая как Настя. В её фигуре ощущается правильность линий. Этого не может скрыть даже свободное платье. Тонкая талия, утянутая пояском. Прямая спина, плавные плечи, молодая женщина скупа в движениях. Сейчас она застыла, чуть настороженно глядя на меня.

Лицо удлинённое, благородного рисунка. Но не кукольное, высокий чистый лоб, прямой нос с едва заметной мягкостью в линии. Тонкие хорошо очерченные губы – не слишком полные, но очень выразительные. Особенно когда она отреагировала на мой ответ одной из сидящих дам насмешливой гримаской.

Скулы мягко очерчены, придавая лицу лёгкую строгость. Думаю, эту девушку считают холодной из-за этого.

Но главными тут являются глаза. Тепло-карие, глубокого орехового оттенка с золотистыми искрами на свету. Такие глаза легко могли показаться добрыми – пока собеседник не замечал, как внимательно и иногда подозрительно спокойно она смотрит прямо в глаза.

Ресницы тёмные, густые. Брови – выразительные, чуть изогнутые и несомненно придают лицу живость.

Кожа светлая, почти фарфоровая, но не болезненно бледная. Скорее это тот мягкий оттенок, который летом легко берёт золотистый тон, а зимой кажется особенно чистым.

Шея – длинная, изящная, особенно выигрышно смотрится в этом вечернем платье.

И ещё, девушка слегка поворачивает голову – жест, который был скорей многолетней привычкой, когда ей хочется скрыть смущение или недовольство.

Уши маленькие и аккуратные, скрыты под тщательно уложенными локонами. Но выдают их серьги из жемчуга. Руки особенно хороши, не праздные как у белоручек. Скорее подошли бы пианистке, с тонкими и длинными пальцами.

Хм, волосы густого каштанового оттенка. Собраны наверх в сложную причёску с использованием шиньона. Чёрт, мне знаком этот слегка медовый отблеск. Ну точно, та самая Екатерина Ратманова, из-за которой столько копий уже сломано. Помню тот злосчастный свёрток с женскими локонами.

Видно, у меня изменилось выражение глаз, потому что девушка внезапно отвернулась и села на освободившееся место. И таким образом оказалась закрыта другой девушкой.

Скомканно распрощался с дамами, что-то невразумительно буркнул Насте и сделав общий поклон, слинял. Сразу забрал шубу и вышел на лестницу.

Чёрт, не так я представлял эту встречу. Странная девушка, она вызвала у меня двойственное впечатление. Ратманова из тех редких женщин, чью красоту не сразу замечаешь. Не целиком, а будто постепенно взгляд цеплялся за одно, затем за другое, и только после человек вдруг понимал, что уже несколько минут не отрываясь смотрит на неё.

И вместе с тем, Екатерина из той породы женщин, которые приносят проблемы. Порой весьма серьёзные.

Я рассчитывал изучить эту дамочку издалека, исподволь. Всё тщательно узнать, придумать повод и просто извинится. Думаю, этого было бы достаточно. Я не могу до конца жизнь спотыкаясь о грешки графа Белькурова и постоянно извиняться. Начиная с его детских лет. Этак можно скатиться в болезненную привычку бесконечно каяться и оправдываться. Своеобразный комплекс «вины».

А сейчас что? Как она в конце злобно кольнула меня взглядом. Дай ей волю, наверное, закопала бы меня живьём. Там внутри очаровательной головки явно бурлит вулкан кипящих эмоций. И все негативные по отношению к моей особе.

Общий ритм дня в Москве поменялся, мне приходится подстраиваться под принятые высшим обществом правила и традиции.

Мой день условно делится на три части:

- Утро. Обязательная тренировка с Григорием. Завтрак. Это моё личное время.

- День (с 12 до 17) - визиты, клубы, деловые встречи, покупки, катание на лошадях или в карете.

Именно в это время я решаю свои вопросы, связанные с продвижением торговых сделок и завязываю полезные в этом плане знакомства. Разумеется, меня часто сопровождает господин Завадский. Многие вещи просто невместно делать аристократу.

- Вечер и ночь (порой до 3 часов) – основная светская жизнь. Если я хочу быть частью светского общества, мне нужно бывать на этих мероприятиях. Да и я просто обнаружил, что мне это начинается нравиться. Дело в том, что первое время я ощущал себя чужим на этом празднике жизни. А когда перестал противопоставлять себя им, попытался понять, что ими движет – то мне стало значительно легче. Я перестал притворяться и делать вид. Я в самом деле стал одним из них, и начал получать удовольствие от этого.

Вот одна из моих обычных недель:

Понедельник – день визитов:

Встаю рано, в 8.00. Это чтобы успеть размяться. Во время первого завтрака просматриваю почту, изучаю приглашения и счета.

Далее цирюльник приводит меня в порядок, камердинер примеряет новый сюртук. И один из приказчиков приносит образцы товара.

Днём наношу визит бывшему сослуживцу, а также навещаю вдову нашего полкового командира.

Визиты необходимы, чтобы тебя не забывали. Иначе перестанут приглашать и можно смело садиться в затворничество.

Вечером небольшой музыкальный вечер и игра в ломбер или бостон.

Вторник – театр и знакомства:

Днём прогулка по центру города, именно на одной из центральных улиц можно встретить ослепительную красавицу и завести знакомство.

После полудня – один из мужских клубов. Там же обед, новости и слухи. Именно здесь можно познакомиться с банкиром, важным иностранцем или влиятельным сановником.

Вечером выход в театр. В столице их несколько. Это может быть французская комедия, итальянская опера или музыкальное представление - вплоть до выступления крепостных актёров.

Среда – день у себя:

Граф Белькуров принимает гостей. Днём небольшой собирончик наиболее близких друзей. Это могут быть отставные или действующие офицеры, соседи по имению или просто хорошие знакомые. Обсуждаются под рюмочку политические новости, нашумевшие дуэли и скандалы, и разумеется, возбуждённые разговоры на охотничью тематику. Реже о дамах полусвета.

Иногда мы выбирались пострелять за город или в тире у меня на участке.

Вечером ужин на дюжину персон, после этого карты, музыка и сигары под ликёр или ром.

Женщины отдельно обсуждают свои темы.

Четверг – бал:

Это главное событие недели. Стать учредителем бала очень ответственное и расточительное мероприятие. Но именно оно даёт организатору особое уважение в обществе.

Начало в 8–9 вечера.

Последовательно – приём гостей и танцы. Затем народ разделяется по интересам. Любители ищут новых знакомств во время исполнения кадрили. Именно так определяются пары. Мамочки присматривают кавалера для собственного дитя. Оценивают кандидата в мужа со всех сторон. Внешность не так важна, главное статус и личное состояние. Как говорится, стерпится – слюбится. Здесь допускаются лёгкий флирт и проявления ревности с последующими дуэлями. А также брачные переговоры на начальной стадии.

Любители азартных игр уединяются в дальнем зале. Там любят приглушённую тишину. Есть помещения, где можно просто пообщаться. Это курительные и, так называемые, «разговорные» салоны.

Пятница – чисто мужской день:

После позднего возвращения с бала народ тупо отсыпается. Днём баня, массаж, цирюльник. Затем визит портного и оружейника. Ну а вечером - закрытый мужской вечер, например у знакомого генерала в отставке. Там ожидает вист на небольшой интерес, тяжёлые разговоры по поводу прошлогоднего отступления русской армии под Веной. А также всяческие офицерские истории под благородной выдержки коньяк. Иногда цыганское пение.

Суббота – охота или загородная поездка:

Зимой это может быть охота на волков, на лису или зайца с выездом в имение знакомого. Как вариант - на птицу. Если нет охоты, то возможно катание в санях.

Москва зимой очень «санная», с бубенцами, мехами и неожиданными визитами. Можно чисто «случайно» подъехать к нужному дому одной очень интересной дамочки.

Воскресенье посвящено душе— церковь и большой свет.

С утра – литургия. Не обязательно истово молиться – это просто часть статуса. И даже там встречи, знакомства и демонстрация семьи. Затем большой праздничный обед, а вечером – самый престижный салон недели. Например, у генерал-губернатора или у главы великокняжьего дома.

«Фу, какая скука...сдохнуть же можно от такой жизни», - скажете вы.

Ну не знаю. Первые недели и даже месяцы после попадания в прошлое я ловил себя на почти мальчишеском соблазне: сейчас как открою этим несчастным глаза. Как расскажу им про никому неведомые лекарственные настойки, удобрения, про машины и новые способы литья металла. Про бездымный порох и динамит, про фабрики и заводы – мир и покатится вперёд, благодарно скрипя колёсами.

Очень быстро выяснилось, что мир неплохо скрипит и без меня.

Взять те же спиртовые настойки. Ну раз у меня винокурни гонят спирт, почему тогда не продавать уже готовые напитки. Оказалось, додумались уже давно. Какой помещик не гонит сам самогон и не настаивает на нём всякие корешки и ягоды. Да почти все. И каждый уверяет, что у него однако самый-самый. Нигде такого не попробуете – ещё дедовский, ядрёный рецепт.

А те же аптекари успешно создают всяческие препараты на спиртовой основе. Лечебные, горькие и сладкие, монастырские и аптекарские. Дистилляция тоже давно известна, и аптекари не вчера родились. Улучшить вкус можно, наладить торговлю и ввести понятие маркетинг тоже – но это далеко не откровение с небес.

Удобрения? Навоз, зола, известь, сидераты и перелог – всё это не тайна. Другое дело, что мужик не будет возить навоз за три версты просто потому, что барин начитался умных книжек. Тут нужны дороги, воля, время, расчёт, приказчик, выгода и привычка.

Машины? Отлично. Только для машины нужен металл нужного качества, токарь, слесарь, мастерская, чертежи, измерения, обучение рабочих, запчасти и конечно рынок, который в итоге и оплатит всю эту красоту. А не один восторженный граф с карандашом в руке.

Динамит? Даже если вспомнить принцип, ему нужны химикаты, сосуды, чистые реагенты, безопасность и главное – причина, по которой государство позволит некоему дворянину играть с веществами, от которых может взлететь на воздух полстолицы или императорский выезд вместе с охраной.

Самолёты, паровые чудеса, скорострельное оружие – всё это не является предметом одной гениальной догадки. Это целые технологические цепочки. Длинные, грязные и страшно дорогие цепочки из руды, угля, мастеровых, станков, школ, бухгалтерии, армии, патентов, чиновников, десятков и сотен неудачных экспериментов.

Я понял одну неприятную вещь: знание из будущего – это не волшебная палочка. Оно похоже на золотой ключ, принесённый к двери, которую ещё не построили.

Можно, конечно, объявить себя пророком механического века. Перессорится с соседями, напугать чиновников, вызвать зависть у купцов, подозрение церкви, а также раздражение двора и насмешку света. Можно было бы бегать с безумными чертежами по Москве, доказывая людям, что через сто лет будут жить иначе.

Только зачем?

Мир не перестаивается от того, что один умный человек знает правильный ответ. Мир меняется тогда, когда этот ответ становится выгоден, понятен и удобен тысячам людей.

Глава 4

А пока у меня имеется другое оружие. Это моё имя, деньги, дома, титул, связи, манеры, внушительная офицерская репутация и доступ в те гостиные, где решается куда больше, чем в мастерской вечно пьяного слесаря. Вжиться в общество не означало капитулировать перед ним. Напротив — это был единственный разумный способ получить определённые рычаги.

Не спорить с эпохой в лоб, а войти в неё. Понять, кто кому должен, кто кого боится и любит, от кого зависит принятие решений. Научиться говорить и с аптекарем, и с князем. С генералом и очаровательной актрисой театра. Причём так, чтобы каждый услышал своё.

Сейчас я всё яснее вижу: прежний граф проигрывал не потому, что не знал будущего. Он проигрывал, так как был пленником своего непростого характера — такого взрывоопасного набора из офицерской гордости, вредных привычек, уверенности в своей непогрешимости и вседозволенности, а также дурной славы бретёра и дуэлянта. И если можно было что-то по-настоящему изменить, то начинать следовало бы не с пушек и дирижаблей, а с человека, чьё лицо я вижу в зеркале каждый божий день. Это не так сложно, вернуть кое-какие долги и доверие сторонников, завести союзников. Не бросаться словами, не унижать людей своим превосходством. Ну и не превращаться в ярмарочного чудотворца.

Прогресс, если он когда-нибудь и понадобится, должен прийти не как фокус-покус, а как естественное следствие силы, денег и влияния.

Мне же для начала не мешало бы выжить в столице. Потом стать в ней своим. А уже затем, может быть, осторожно сдвинуть мир на вершок. Так, чтобы мир решил, будто сам давно хотел подвинуться.

Я дважды сумел избежать вызова на дуэль. И не то, чтобы я их боюсь. Просто не хочу опять превратиться в мистера Хайда. Тем более окончательно. Чисто случайно какой-нибудь юнец ткнет по больной головушке и привет достопочтенному графу со всеми его тараканами.

Один раз на балу я мастерски увёл назревающий конфликт с молодым офицером в сторону. В другом меня выручил Волков, подставился вместо меня и выбрав оружием сабли серьёзно ранил оппонента. Но пока ещё меня выручает бегущая впереди зловещая слава опасного человека, который одинаково мастерски владеет и холодным оружием и пистолетом.

Маркиза — её я не оставлял в покое, врагов надо держать в поле своего зрения. Даже удалось подкупить небольшого человечка в доме её батюшки князя Ратманова. Тот пусть и не великой должности, но регулярно докладывает о происходящем там.

Отставной генерал ведёт уединённый образ жизнь, чаще проживает в своём загородном имении. Про сына ни слуху, ни духу. А заправляет всем в доме его дочь Екатерина Андреевна. Причём поговаривают, что та не чурается лично заниматься финансовыми и прочими хозяйственными вопросами. И это особенно не нравится светским сплетницам:

— Ах, та chère, вы слышали? Маркиза опять сама принимала купцов.

— Купцов?

— Представьте — сама! И говорят распоряжалась счетами так, будто приказчик.

— Quelle horreur... (какой ужас). Это же почти коммерция.

— Бедное дитя. Видно, совсем нет мужской руки в доме.

Другая чуть тише:

— Хотя говорят, она спасла состояние семьи. Иначе брат проиграл бы половину состояния.

— Может быть...но всё же это не дело молодой женщины — спорить о ценах на овёс с подрядчиками.

— А ещё говорят, что теперь у маркизы не салон, а целая контора.

— И что же, она сама считает доходы?

— Более того, по слухам сумела поставить на место опытного управляющего. Представьте — молодая дама!

Видимо даже большой город не гарантирует, что два человека из одного сословия могут избежать встречи.

Я предпочитаю по воскресеньям посещать службу в храме Илии Пророка, что в Обыденном переулке. До него даже пешком мне всего минут пятнадцать. А если в карете — то совсем рядом.

Литургия длилась долго, в помещении было страшно душно и я по окончании с удовольствием вышел на крыльцо церкви. Вдохнул морозный воздух и потихоньку спустился со скользких ступенек. Достав из кармана тёплые перчатки, я принялся натягивать их, а в уме уже прикидывал планы на сегодняшний вечер. Что-то я начал уставать от этого марафона. Забег по салонам и светским мероприятиям достаточно утомителен. Порой тянет в тишину и уют ярославского особняка. Просто выспаться, выбраться на конную прогулку и возможно попытаться навести мосты с одной знакомой полячкой. Возможно, она ещё в городе и примет меня.

Резкий вскрик заставил меня обернуться. Одна дама поскользнулась на обледеневшей ступеньке и чуть не упала. Благо ей успела протянуть руку другая женщина.

Я машинально подался вперёд и оказался лицом к лицу с Екатериной Ратмановой. Причём мне пришлось нагнуться и подобрать с земли отлетевшую в сторону меховую муфту. Мы оказались чересчур близко друг к другу, чтобы ограничиться одним формальным поклоном:

— Моё почтение маркиза. Позвольте Вам помочь, — и я протянул беглянку, стряхнув с неё снег.

— Вы весьма учтивы граф, — та ответила в том же духе. Только лёгкая тень улыбки коснулась её губ. Сказано было абсолютно ровным и спокойным тоном, но за ним заметны трудно скрываемые эмоции.

Несколько долгих минут мы смотрели в глаза друг другу. Это просто наваждение какое-то. Если в прошлый раз на театральном вечере я глазел на неё скорее от неожиданности, то сейчас, между нами, всё ясно. Но от чего меня притягивает в ней некая тайна. Из-за чего молодая девушка выглядит значительно старше своих лет? Пауза затянулась, слишком долго для обычной любезности.

— Что ж... — тихо произнесла она, будто вспомнив о приличиях, — желаю вам доброго воскресного дня.

Мы обменялись короткими поклонами головы, девушка сбежала по ступенькам, оставив меня смотреть её в след.

Чёрт, мой предшественник тоже запал на неё. И получил такую резкую отповедь, что пошёл на низкий поступок. Я немного узнал предпочтения графа в этом вопросе. Ему импонировали мягкие и податливые женщины. Он ценил умение создать уют и облечь своего мужчину нежными чувствами. Екатерина совсем другая. В чём же тут дело? Может быть, у него были иные причины свататься к ней?

Лично мне она не нравится, как женщина. Чересчур независима и имеет сложный проблемный характер. Но вот просто пообщаться с нею на отвлечённые темы я бы не отказался. Она не мила и не старается казаться мягкой. Наоборот, пытается самостоятельно решать вопросы. Так и хочется воскликнуть, — родная, просто будь женщиной. Со всеми присущими вашему полу слабостями. Не пытайся в одиночку противостоять всему миру.

Ну и показательной оказалась наша последняя встреча, тоже незапланированная. Я посетил музыкальный вечер княгини Прасковьи Михайловны Гагариной, явившись сюда вместе с парой своих приятелей. Подобные вечера устраиваются исключительно для избранного круга ценителей искусства. Сюда не стремятся скучающие аристократы. Присутствуют не более двух десятков гостей. Это те, кто ценит высокую музыку или хорошие стихи. Тут не танцуют и нет карточных игр. Не стоит также ожидать обильного застолья.

Сегодня по залу прохаживаются несколько молодых людей из числа дворян и офицеров. А также пара влиятельных стариков. Литераторы, иностранцы и группка женщин самого разного возраста. Все разбились на кружки по интересам, но скучать нам долго не дали.

Княгиня сделала объявление:

— Господа, мы слишком много говорим. Музыка сегодня страдает. Прошу всех в зал.

Я с трудом выдержал арию в исполнении молодого флотского офицера. Он так романтически страдал, что вызвал добродетельные аплодисменты присутствующих. А мне было немного смешно. Его лицо напомнило мне выражение морды моего пса Атоса, когда тот утром хезал на травке около дома. Тот также прижимал уши и делал уморительно страдальческие глаза.

Юный поэт-француз прочитал что-то из своего. Большая часть присутствующих его творчества не оценила и даже переговаривалась во время декламации.

А вот когда вышла следующая участница, я подобрался. Сейчас на место клавикорду и клавесину пришло пианино. Или как его сейчас называют — пианофорто. Клавесин издавал звуки одинаковой громкости, так как в нём звуки издавались специально заточенным пёрышком, прикасаясь к струнам. А вот прообраз рояля был уже полноценным инструментом, где молоточки били по струнам. Но выглядел он весьма непривычно. Это что-то на подобии плоского столика на изящных ножках. Я бы сказал, что это скорее деталь мебели. Но маркиза Ратманова доказала, что оно играет. Исполнила она вещь Гайдна. Неплохо, но для моего избалованного уха чересчур ровно и старательно, без смены амплитуды.

Важнее было видеть выражение её лица. Оно расслабилось и девушка ушла в себя. И неожиданно показалась мне очень романтической и красивой. Так что я аплодировал в конце её выступления вполне искренне.

А вот самое интересное началось после окончания музыкальной части. Гостям предложили чай-кофе и лёгкие закуски.

Но вот в светских играх я никогда прежде не принимал участия. Начали с трудного. Раздали участникам записки с текстами. Надо было угадать автора. Вольтер? Руссо? Карамзин? Ларошфуко?

Что подобное и у нас было. А вот игра «Характеры-Портреты» мне не знакома вовсе. Этакая смесь остроумия, психологии и лёгкого флирта.

В чём смысл — каждому дают человека без имени. Нужно описать характер и заставить угадать персону. Можно спорить и защищать. Но не в лоб, а с иронией и намёками. Занятие не для простаков.

Например, было такое задание, — «Человек, которого свет считает дурным, но который возможно не таков». Однозначно это кто-то из тех, кто на виду.

Или, — «Женщина, вызывающая уважение и неудобство одновременно». Иди-ответь правильно. Загадавший терпеливо даёт подсказки, направляя группу на верный путь.

Игра построена так, чтобы давать участникам поочерёдно задавать вопросы.

Екатерина Ратманова изучающе посмотрела на меня и задала коварный вопрос:

— Что опаснее, дурной нрав или дурная слава?

Вопрос она задала на французском, ответил же я по методу от противного, — Дурной нрав. Слава хотя бы иногда лжёт.

А теперь оригинальный ответ, та ответила спокойным тоном, — дурная слава редко рождается без причины.

Надеюсь, она не меня пытается сейчас выставить идиотом,отреагировать я предпочёл коротко, — справедливо.

Следующая часть игры, её правила объясняет присутствующим сама хозяйка:

— Хорошо. Теперь каждый опишет человека, которого уважает, но не вполне понимает.

Народ начал подшучивать и даже кокетничать. И сразу княгиня показала пальчиком в мою сторону. Пришлось что-нибудь родить:

— Упрямый человек. Который привык рассчитывать лишь на себя. Не любит просить помощи. Кажется холодным — но, скорее просто давно разучился доверять. И от чего-то уверен, что обязан со всем справляться один.

С особым удовольствием я смотрел на сидящую напротив маркизу. Не уверен, что она понял подоплёку, но вроде и зверем уже не смотрит.

— Неплохо подмечено, принимается, — княгиня благосклонно посмотрела в моё сторону и перешла к следующей жертве. Но внезапно Ратманова потянула одеяло на себя:

— О! Кажется, граф знает предмет слишком хорошо.

Сказано было столь ироничным тоном, что вызвало смех у женского пола.

— Или же слишком уверен в своих наблюдениях.

Я предпочёл нейтрально улыбнуться и повернуться к другой девушке. Красавица явно меня провоцирует и почему-то уверена, что это меня зацепит. Видимо граф был более нетерпим к простейшим намёкам.

Вот и все мои планы полетели коту под хвост. Планировалось, что на Рождество я останусь в столице. Главный бал года состоится во дворце великого князя Сергея Михайловича, получить туда приглашение означало быть среди самой элиты страны. К тому же у меня наклёвывалось интереснейшее свидание с одной дамой высшего света. Она замужем, но супруг давно уже лежит растением, прикованный параличом к постели. А его молодая жена явно скучает и мне удалось добиться её расположения. Но неожиданный приезд моих людей из Ярославля всё изменил.

Раз-два в месяц оттуда приходил небольшой обоз с продовольствием. Ну и передавали также корреспонденцию для меня. Но наиболее важную новость я узнал случайно из разговоров между слугами.

— Ну-ка, мил друг, расскажи про новости из Ярославля. Я тут услышал, что моя экономка приболела, — степенный мужик, который в обозе являлся старшим, растерялся. Он даже не приказчик, а просто опытный возчик и его задача — довести несколько саней в составе большого каравана в Москву. Не более.

Как позже выяснилось, мне всё-таки написали записку на предмет болезни экономки, где спрашивали инструкций на этот счёт. Просто я до неё ещё не добрался.

— Так и есть, Ваше сиятельство. Люди говорили — беда с нею приключилась. Упала в своей комнате и даже речь отнялась. Вроде удар её хватил.

Вот же напасть. Сейчас ударом называют многие болезни. Но ежели парализовало половину тела и пострадала речь — больше похоже на инсульт. А значить дело серьёзное.

И не только из-за того, что теперь нужно подбирать иную кандидатуру на роль экономки большого особняка. Для меня Зоя Тихоновна — не проста одна из череды доверенных слуг. Она воспитывала меня — так говорили те, кто служил в нашем доме. Начала трудиться чуть ли не при деде, он взял её в дом совсем соплюхой. И вот с нашим семейством эта женщина провела больше полувека. Мне же она стала другом, которому можно было пожаловаться, попросить совета или просто прийти в поисках ласки. А сейчас она заболела и сразу стала никому не нужной. Неправильно это всё. Вот я и приказал готовиться в дорогу.

И буквально в последний день решил закрыть оставшиеся долги. Черкнул несколько строк сверхпроблемой госпоже Ратмановой, где принёс извинения за содеянное и в конце приписал, что готов каким-то образом компенсировать неудобства. Рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом считаю излишним. Ежели ей нужны особые извинения, то пусть сформулирует претензии. Или перестанет сверкать глазками в мою сторону. Такие дамочки как правило всегда находят себе врагов и с удовольствием культивируют в себе злость. Хотя, может я и ошибаюсь, ведь эту девицу практически не знаю.

Для меня стало откровением, что моя экономка имеет свою небольшую квартирку, в которой проживает вместе с дочерью. Сразу по приезду я поинтересовался её состоянием и с удивлением узнал, что ту перевезли по месту жительства.

Двухкомнатная квартирка, собственно, называется углом при в двухэтажном доме, принадлежащим купцу. Конечно, это не уголок комнаты, где ютятся с десяток человек. Так ещё называют угловую квартирку. Там есть спальня, гостиная и крохотная кухня. И сразу меня долбануло особой атмосферой комнаты, где находится тяжелобольной. Густой и спёртый воздух — форточку не открывают, чтобы больную не продуло. Я ещё особые запахи лекарств, трав, несвежего белья и влажного тела. Этакая кисловатая тяжесть больничной комнаты.

Кроме самой больной здесь находится ещё одна женщина лет сорока. Ещё одна новость для меня — это Анна, дочь Зои Тихоновны. Она мне открыла дверь и сразу вернулась к матери.

Неприятно смотреть на человека, которого я помню очень деятельным. А сейчас она спит, причём сразу стал заметен внушительный возраст. Лицо напоминает посмертную маску.

— Доброе утро. Как Зоя Тихоновна? Что говорят доктора?

Анна совсем не похожа на мать. Она выше её на голову и далеко не такого субтильного телосложения. А ещё глаза у неё не серо-зелёные как у мамы, а карие.

— Был лекарь. Но ничего обнадеживающего не сказал. Посоветовал молиться, всё в руках божьих.

Ну да, классная отмазка. Как всегда «отворил кровь», что категорически не желательно при инсульте. Я не великий специалист, но понимание имею. Одно замечательно, если это и вправду инсульт, то не в самой тяжёлой форме. Если верить дочери, мама открывает глаза и пытается шевелить правой рукой. То есть левая часть парализована. Зато правая частично работоспособная. Речь тоже не отнялась совсем, Зоя Тихоновна пытается говорить. Хоть и невнятно, но понять можно. Вот только слаба очень и много спит.

— Что доктор сказал делать?

— Так кроме кровопускания наказал ставить банки и горчичники. А ещё растирания прописал и ножные горячие ванночки, дабы оттянуть кровь от головы. А для очищения тела рвотные средства оставил.

Ясно, из перечисленного меня устроил только массаж тела под видом растираний. Всё остальное может лишь добить женщину. Какое нахрен слабительное, она и так слаба. Захлебнётся же рвотными массажи.

— Так, Анна, я пришлю людей и перевезу вас с матушкой ко мне. Докторов больше не слушайте, а то они залечат до гроба.

Глава 5

Для своей экономки я выделил комнату на цокольном этаже. Там тихо и никто мешать больной не будет. И главное — есть возможность ухаживать за пожилой женщиной. Я выделили для этого двух крепких служанок. Они каждый день должны протирать женщину влажными полотенцами и растирать тело. Особое внимание положению головы. Не дай бог захлебнётся при кормлении, пришлось самому провести инструктаж. Чтобы насильно не кормили. Только если будет сама глотать.

Было любопытно узнать историю жизни Зои Тихоновны Мальцевой. В юные годы девушку выдали замуж за сельского священника. Вот бы никогда не подумал. Но тот был в преклонных годах и вскоре скорострительно скончался, оставив вдову в интересном положении. Тут её и заметил мой дед Карл Шарлевич. И взял в услужение, а затем повысил до экономки, поселив в новом особняке. Оценил её грамотность и умение работать с людьми. Как она ухитрялась растить дочь и вести немаленькое графское хозяйство — вопрос интересный. Причём ведь сподобилась дать дочке неплохое по нынешним меркам женское образование. Анна знает грамоту и счёт. По протекции матушки устроилась работать компаньонкой в большой купеческий дом. Вела хозяйство, закупала провизию и следила за слугами.

Если она хоть немного похожа на мать в этом вопросе, то вот и быстрый выход из положения. Большой особняк как солидный корабль, даже если им престают управлять — какое-то время идёт прежним курсом. Так и мой дом — вышколенные слуги по инерции даже без строгого присмотра продолжают исправно исполнять свои обязанности. Но только до того момента, когда вдруг понимают, что могут халтурить без последствий.

После воскресной службы народ повалил на улицу и я предпочёл выждать, чтобы не толкаться. После спёртого воздуха внутри церкви на улице благодать, вот только портят вид побитости у паперти. Это прямо на площадке перед входом в храм. Толкутся по бокам лестницы, у ворот и подле свечной лавки. Их здесь немало, и все они обладают целым набором жалостливых и кричащих символов. Подвязанная нога, выставленные на показ воспалённые конечности, слепота — поди проверь как там на самом деле. Отличает их одно — громко зывают о помощи и цепляются за одежду, требуя обратить на себя внимание:

Вот голосистая старуха завопила как иерихонская труба. — Подайте Христа ради, православные! Не оставьте убогую! — и тычет расчёсанной в кровь до язвочек рукой.

А вот и целый хор нищих из семи человек, эти тянут на помин души родителей и за упокой неведомого страдальца.

Но самое неприятное — это агрессивный и отчаянно повелевающий попрошайка. Буквально как клещ вцепился в мой сапог и тянет, — Батюшка, хоть копеечку! Грех пройти мимо! Господь сторицей вернёт!

Если бы не лакей, так он бы преследовал меня до самой кареты. И выбирают же такие ситуации, когда отказать трудно, вроде как скупердяем не хочется прослыть.

Я же всмотрелся в других ожидающих помощи. Вот одноногий солдат в старом и потёртом мундире, на лице страшный шрам старого ранения. Просто стоит и смотрит на проходящих. А рядом пожилая женщина держит за руку девочку лет пяти. И знаете, что меня зацепило — эти молчат, не голосят, призывая внимание — а просто ждут.

И ещё одно — у женщины лицо перекошено, одна половина будто смазана. Наверняка тоже последствия инсульта. И стоять ей очень трудно, скорее девочка помогает ей стоять, да церковная ограда.

Через лакея велел дать каждому из молчаливых по несколько копеек, а женщине гривенник. Но тут же заметил, как к ним кинулись нагловатые старожилы. Отберут ведь ироды.

Профессиональные нищие на миру были всегда, в том числе во времена Союза. Поговаривали, что эти деятели, страдающие в подземных переходах и остановках, в свободное от работы время разъезжали на «Волгах» и входили в некую мафиозную структуру. Можно этому верить, можно нет. Но мне стало жаль именно этих, молчаливых. Женщина только губами шевелила, а девчушка явно сильно замёрзла от долгого стояния.

По этому поводу я имел разговор со своим управляющим господином Завадский. Тот не сразу въехал в мою идею. А я предложил купить готовое здание или построить с нуля дом для таких вот бедолаг.

Наивным я оказался, опытный бухгалтер развеял сходу мои замыслы:

— Дело несомненно богоугодное, но очень уж затратное и боюсь нам не по карману. Вот сами посчитайте. Вы хотите поселить в некое заведение около двух сотен душ. Даже если удастся недорого приобрести такое большое строение — главный расход составит еда. Даже если кормить просто — каши, хлеб и щи. Выйдет где-то 2–3 рубля на человека нужно, это при условии, что своё хозяйство помогает. Тут уже 400–600 рублей набежало. Ежели баловать изредка мясом, так все 700 получится. Потом персоналу тоже нужно платить, на 200 человек нужно не менее 20 сиделок, лекарь, фельдшера, прачки и так далее. Добавьте ещё рублей 300. Дрова, свечи, одежда и бельё — ещё 150. Зимой и того больше. Добавьте лекарства и получится 12–18 тысяч рублей в год. А это уже не барская милость, а казённое учреждение. Простите, Ваше сиятельство, тут либо общество составлять, либо искать покровителя. Одному человеку такую ношу долго не снести.

Умеет Игнатий Казимирович навести тоску. Но вскоре у нас родилась иная мысль. А что, если поискать богатых вкладчиков и попросить губернскую поддержку. Можно привлечь церковь и даже создать попечительский совет.

Так у нас зародилась мысль о Ярославском Доме Призрения. Что-то среднее между богадельней и лечебницей. Ориентировочно для беспомощных, престарелых и увечных. Пока всё на бумаге и только в качестве графской причуды.

Ясно, что нам нужны спонсоры среди состоятельной аристократии и купечества. Но как заставить их раскошелиться? Завадский посчитал, что лучшим вариантом станет сбор средств. Сам дом нам может обойтись в сумму до 20 000 рублей. Это ежели рассчитывать на те же 200 человек.

Лучшим вариантом стало бы создание «неприкосновенного капитала». Допустим собрать 100 000 рублей и жить на проценты (5–6%). Это уже 5000–6000 рублей плюс пожертвования. Основной капитал лучше не трогать. Однако это скорее из области фантастики, получается огромная сумма.

Вот только тут разжалобить этих богачей не получится. Тут надо давить на тщеславие и статус.

— Александр, Вы меня поражаете. Я даже затрудняюсь предположить, что Вы придумаете завтра. Может займётесь выведением новой породы лошадей? — Мы с Оболенским и Вяземским сидим в ресторации и наслаждаемся блюдами отечественной кухни. Узнав о моих планах, верные друзья-товарищи раскритиковали мою мысль в пух и прах. Но, тут же начали импровизировать.

— Это нужно не в провинции делать. В Москве было бы легче собрать средства. Ежели уговорить богатеев из клана Юсуповых или Шереметьевых, да заручится поддержкой одной из великих княжон — тогда вполне может и получиться. А у нас в Ярославле размах не те. Можно было бы благотворительные вечера устраивать и приглашать на них купцов-миллионщиков. Демидовых, Морозовых и даже Строгановых. А у нас что? Взять главного богатея города князя Лобанова-Ростова. У него годовой доход около 60 000, а допустим у клана Морозовых не менее 300 000 дохода. А тот же Юсупов вообще миллионами ворочает. Вот где размах.

Где-то Алексей Никитич прав, но тогда это означает благотворительность только для избранных регионов. А вот реакция графа Вяземского вызывает вопросы:

— Граф, если бы я не знал Вас много лет, то подумал бы, что Вас подменили. Где тот бравый офицер-гусар? Где тот азартный игрок, Вам самому с собой не скучно? Где скандалы, дуэли и брошенные красотки. Когда Вы, Александр, в последний раз бились за честь прекрасной дамы? Где Ваше безумство, за которое мы Вас и любим?

А милейший Сергей Павлович переигрывает. Вроде улыбается и дружески похлопывает по плечу, а глаза холодные. Даже злые, сразу вспомнилось предупреждение уходящего в долину вечной охоты графа Белькурова, «держись подальше от Вяземского». Ещё он намекал на женщину, вполне вероятно на маркизу Ратманову. Но та, слава богу далеко отсюда. А вот Вяземский гнёт свою линию и даже пытается перетянуть на свою сторону Оболенского.

— А и впрямь граф, не проветрить ли нам головы на охоте? — присоединился к предложению Вяземского князь.

— Ну, трудно с вами спорить, — принял я приглашения. Хотя не вижу в этом занятии ничего интересного. Устраивать загонную охоту ради жалких шкурок лисьего семейства. А потом смотреть на тушку несчастного животного, отдавшего жизнь из-за барской прихоти. Лучше просто выехать на природу и получить удовольствие от быстрой скачки.

Недели через две стало приносить плоды наше лечение, Зоя Тихоновна уже садится и кушает. Врача я больше не пускал к ней, залечат своими варварскими снадобьями. Женщина сильно сдала, но уже не выглядит как умирающая. Она пытается говорить и порывается вставать. И эти явные признаки выздоровления позволили её дочери Анне попытаться приглядываться к дому и людям, его населяющим и работающим в нём. Сам факт, что эта женщина — дочь самой Зои Тихоновны уже заставляет проникнуться. А ещё Анна довольно дородная дама и обладает сильным уверенным голосом. Слуги такой тембр отлично понимают.

Рождественский бал в провинции разительно отличается от столичного тем, что в Москве можно раствориться в толпе. В Ярославле — никак не получится, тут буквально все всё про всех знают. Кто, кому и сколько.

Организует это мероприятие губернский предводитель дворянства под покровительством губернатора. Это далеко не частный приём, а главное зимнее событие года. Сюда съезжаются помещики из уездов, офицеры расквартированных здесь частей и, разумеется, представители высшего общества Ярославля.

В этом году бал выпал на святки между самим Рождеством и Крещением. Перед этим мы встретились у Оболенских, а уж оттуда к восьми вечера отправились к помпезному зданию дворянского собрания. Формат бала не совсем обычный. Этаким полумаскарад. Гости должны явиться в масках и в костюмах, утилизированных под исторические персонажи. То есть ещё не венецианский маскарад, но уже интересно тем, что можно не узнать того, кто под маской.

Лично я выбрал костюм венгерского магната, Оболенский вырядился античным героем, а Вяземский настоящим рыцарем. Григорий Волков выбрал образ восточного человека, встречались нам также русские бояре в длиннополых кафтанах, а также маски животных. Дамы выбрали лирические образы пастушек, богини охоты Дианы, античной нимфы, знойной испанки или открытое одеяние гречанки. Для таинственности организаторы и слуг вырядили в старинные костюмы, а также создали в помещениях атмосферу загадочности за счёт слабого освещения. Лишь в главном танцевальном зале света в избытке. Отцы города и генералитет важно стоят и сидят в углу. Эти своё уже отплясали и маски держат в руках как символ праздника. Им важнее светские беседы.

Дождавшись, когда гости придут в себя и согреются, вперёд вышел наш предводитель дворянства граф Михаил Сергеевич Толбузин вместе с супругой. Он толкнул короткую речь минут на пять, особо не затягивал и вскоре объявил о начале бала.

Через несколько минут грянет торжественный полонез и пора озаботится партнёршей. Не танцевать обязательные танцы на балу — плохой тон. Но тут не так всё просто. Если дама хорошо знакома или не так и молода, то подойти вполне уместно даже без предварительной записи в специальную дамскую книжку (карне). Но она может ответить, что именно этот танец обещан другому. На полонез обычно составляются пары заранее, но я как обычно протупил. Зачастую выбор пары на полонез — это показатель статуса. Напроситься на танец к княжне или юной девушке их хорошего рода без представления — решительный нонсенс. Нужно, чтобы кто-нибудь из знакомых представил:

— Мария Михайловна, позвольте представить — граф Александр Викторович Белькуров.

Тогда оценив ваши статусные реквизиты (титул, доход и репутацию), дама и её окружение примут решение и возможно внесут вас в список партнёров на сегодняшний вечер.

Но сегодня бал-маскарад и зачастую не определишь, кто скрывается за маской, в этом и прелесть такого формата. Возможна некая свобода и даже флирт. Пары уже начали выходить в центр зала и строиться согласно ранжиру. Я углядел двух явно молодых женщин, стоящий в одиночестве. Судя по всему, у них пока нет партнёров, хотя — вон тот молодой пехотный офицер целеустремлённо двинулся в том же направлении, как и я. Но чуть не успевает, поэтому выбор за мной.

Однако это сделать нелегко. Дамы почти одинакового роста и комплекции и явно нарядились по контрасту друг к другу. Одна во всём черном. Тёмное платье, маска, жемчуг и чёрные перчатки. Стиль «Ночь».

Вторая, наоборот, олицетворяет «Зиму». Светлое платье и серебристые детали. Но волосы у «Ночи» как раз соломенно-золотистые, а вот у «Зимы» как вороново крыло. Полные противоположности.

Но, так как поручик дышит мне в спину, я выбрал «Ночь». За несколько шагов сбавил темп, чтобы не напугать женщин и дать им возможность показать о своей заинтересованности. Это не сложно, достаточно повернуться к подходящему на пол-оборота и изобразить увлекательнейший разговор с подругой. И кавалер сделает вид, что просто шёл мимо. У женщин много инструментария, чтобы без слов выразить свои эмоции.

Вроде женщина меня поощряет и на мой отчётливый поклон отреагировала соответственно. Я решил оставаться в роли:

— Осмелится ли один смертный просить милости у самой Ночи?

Дама чуть склонила голову, давая понять, что приглашение принято. Мне осталось лишь предложить руку. Дамские пальчики легли на рукав костюма и мы чинно направились к строящимся парам.

Из-за маскарада нарушилась статусность построения. Впереди, разумеется, губернатор и доблестный предводитель с супругами. А дальше кто как подсуетился.

Медленный и торжественный танец позволяет познакомиться с дамой. В глаза смотреть не рекомендуется, но и отворачиваться тоже не следует. Есть определённые правила бального этикета. Травить анекдоты и ставить даму в неудобное положение — неуместно, но и молчать как партизан — тоже некамильфо. А вот лёгкий и ни к чему не обязывающий светский трёп — самое то.

— Признаюсь сударыня, маскарад — единственное место, где мужчина может рискнуть быть отвергнутым с меньшим позором.

Партнёрша чуть повернула голову в мою сторону, — напротив, сударь. Здесь отказ, вероятно, даже болезненнее — ведь вы не сможете пожаловаться хотя бы на дурной вкус дамы.

— Значит мне остаётся надеяться, что вкус вашей маски снисходителен.

После вступления я продолжил:

— Что-то в этом есть. Под маской может оказаться кто угодно и уже это вызывает любопытство. Оставляет место полёту фантазии. Можно придумать себе что душе угодно.

Ночь тихо рассмеялась и удалилась от меня, вместо неё всплыла полноватая женщина в маске Цереры, богини изобилия. Её золотистое платье полностью усыпано виноградными листьями и корзинками с декоративными фруктами.

— Удивительно, как легко разговаривать с человеком, имени которого не знаешь, — мы вновь сошлись и коснувшись пальцами продолжили двигаться вместе с другими парами.

— Быть может оттого, что нет возможности составить мнение заранее и начинаешь с чистого листа.

— Тогда прошу Вас не спешить узнавать моё имя, — я засмеялся.

— А вы моё.

— Договорились, — музыканты закончили играть и кавалеры провожают дам. Я с небольшим сожалением тоже повёл незнакомку к тому месту, откуда и взял.

Лёгкий поклон с моей стороны и едва заметное движение обнажённых плеч с её.

— Благодарю Вас за этот танец, сударыня. Боюсь, он окончился слишком рано.

Теперь она чуть наклонила голову и я отправился разыскивать Алексея Оболенского и Сергея Вяземского.

Танец и мимолётное общение с молодой женщиной или девушкой оставили у меня приятное послевкусие. Это тот самый случай, когда всё было в меру. Не скрою, она оставила нотку любопытства. Голос приятный, фигура весьма стройна, двигается женщина легко и в целом я бы поставил на то, что она далеко не девчонка, я бы дал ей лет двадцать пять. Но и не старше, это видно по нежной коже на руках и шее.

Глава 6

Моё благостное настроение немного испортилось, когда я подошёл к группке мужчин и женщин, и услышал, как Сергей Павлович Вяземский рассказывает с немалой долей юмора о моих планах об организации Общества помощи страждущим. Причём он вроде говорит в поощрительном тоне, но отчего-то его слова кажутся мне насмешкой:

- О, а вот и граф. Я тут взял на себя смелость и посвятил наших знакомых с Вашими планами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.